

УДК 1(091)

М. ФУКО И АНАЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ: ИСТОРИЯ КАК ПРЕДМЕТ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОГО ПОСТИЖЕНИЯ¹

К.В. Ануфриева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассматривается влияние «лингвистического поворота», инициированного Л. Витгенштейном и его последователями, на историко-культурные штудии М.Фуко. Показано, что воззрения Фуко в различные периоды их эволюции, начиная с начала 1970-х гг., формировались в идейном поле теории языковых игр. Синтез идей Ф. Ницше, М. Вебера, структурализма, неомарксизма лингвистической философии рассмотрен как платформа, предопределившая видение Фуко реалий культурной истории Запада.

***Ключевые слова:** история, генеалогический анализ истории культуры, структурализм, постструктурализм, аналитическая философия, неомарксизм.*

Введение

В центре философского поиска М. Фуко всегда находилась история европейской культуры, взятая в измерении её взаимосвязи с настоящим. Наследие этого автора было ориентировано на генеалогическое раскрытие смыслового содержания феноменов культуры, которые соотносимы с современной ситуацией и позволяют увидеть её многообразные грани. Фуко был теоретиком, сформировавшимся первоначально в русле установок структурализма и радикально ревизовавшим их в духе постструктуралистского отказа от поиска объективно запечатлеваемых структур, обнаружимых при «археологическом» препарировании культурной традиции минувшего. Поле культуры в её диахронном видении, с его точки зрения, предполагает неминуемо выяснение смысла прошедшего в свете тех проблем, которые затрагивают сегодня постигающего их субъекта. Очевидно, что такое отношение к задаче постижения истории культуры было связано с принятием Фуко генеалогической установки Ф. Ницше. Не обошлось и без влияния веберовского рассмотрения европейской истории в горизонте финального торжества в ней начал «формальной рациональности». Одновременно он воспринял, по его собственному признанию, и пафос неомарксистской теории, ориентированной на критику идеологического компонента традиции во имя разоблачения его иллюзорного содержания. Однако этими философскими установками отнюдь не исчерпывается арсенал философско-методологического инструментария, обращенного Фуко на анализ европейской культурной традиции. Как справедливо отмечают многие современные исследователи наследия Фуко, на этапе трансформации его доктрины по пути пе-

---

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ «Лингвистический поворот и историческое познание как проблема западной философии второй половины XX – начала XXI века» № 17-33-00047-ОГН.

рехода от структуралистских штудий «археологии» новоевропейского гуманитарного знания к периоду «микрофизики власти», а затем и к этапу «эстетики существования» отчетливо проявляется связь его построений с лингвистической философией. Попробуем проследить содержание диалога Фуко с лингвистической философией, те моменты её теоретико-методологической платформы, которые «сработали» при создании зрелой постструктуралистской стратегии этого автора, ориентированной на генеалогическое обнаружение значимых компонентов западной культурной традиции.

От «археологии» гуманитарного знания к теме властных функций дискурса: горизонт лингвистического поворота

Обычно исследователи творчества Фуко говорят о том, что в трансформации его воззрений прослеживаются три основных этапа: в 60-е гг. минувшего XX столетия он находится под влиянием структурализма, нацеливая свои изыскания на «археологию» эволюции гуманитарного знания в Новое время вплоть до современной эпохи; в 1970-е гг. его исследовательские интересы смещаются в сферу построения постструктуралистской генеалогии рождения дисциплинарного общества; 1980-е гг. знаменуют переход к проблематике «эстетики существования», динамике технологий создания личностного «Я» [1, с. 89; 6, с. 69–128]. В этой связи возникает вопрос, почему внимание Фуко к проблематике, сопряженной с «лингвистическим поворотом» в философии, инициированным Л. Витгенштейном и его последователями, обостряется именно в период его перехода к постструктуралистской установке, сохраняясь в дальнейших его штудиях. В плоскости конкретного анализа текстов Фуко «высвечивается» и тема создания имманентных его собственному творчеству предпосылок видения трансформации дискурсивных практик в духе выводов философии лингвистического анализа. Ведь синтез тематики лингвистической философии и постструктурализма не был всего лишь данью философской конъюнктуре, а был рожден конструктивным желанием более глубокого освоения историко-культурного материала. Вполне оправданным будет и выяснение того, какие формы приобретает учение Фуко под влиянием «лингвистического поворота» при рассмотрении сюжетов, сопряженных с генеалогическим изучением путей становления дисциплинарного общества Модерности и вариантов «эстетики существования» личности в различные периоды европейской истории. Интерпретация этого спектра проблем становится возможной как в свете ценных признаний самого Фуко относительно близости ему определенных идей лингвистической философии, так и на базе имманентного анализа его текстов, в которых с очевидностью заимствуются мыслительные ходы, появившиеся в диалоге с этим направлением.

Если тема взаимосвязи наследия Фуко с классическим структурализмом, наследием М. Вебера и генеалогией Ницше проходит практически во всех значительных произведениях, касающихся динамики его воззрений на постижение истории культуры, то рассмотрение его диалога с лингвистической философией возникает, пожалуй, лишь в работах, появившихся относительно недавно. Так, например, в ставшей практически хрестоматийным исследованием эволюции его учения книге Л. Дрейфуса и О. Рубинова в качестве основных векторов предлагаемого им понимания истории называется синтез структуралистской и

герменевтической платформ. «Таким образом, – заключают они, – Фуко удастся критиковать и использовать – высоко оригинальным способом – два доминирующих метода, имеющихся для изучения человеческих существ» [9, р. XVII]. В более современных вариантах прочтения его подхода к этому сюжету появляется тема сопоставления с платформой лингвистической философии Л. Витгенштейна. Так, А.И. Дэвидсон замечает в этой связи: ««Фуко соединяет вместе в том, что может показаться почти борхесианским напитком, Рассела, Витгенштейна, Леви-Стросса, Лакана, Дюмезиля, Альтюссера, Новую критику и лингвистические примеры того, что именуется «аналитическим разумом» и противопоставляется гуманизму, антропологии и диалектической мысли» [8, р. 6]. Подобный ракурс видения наследия Фуко является достаточно продуктивным и позволяет рассмотреть динамику его методологических исканий на фоне широко понимаемого «лингвистического поворота» в философии. В настоящее время творчество Фуко проанализировано в этом плане Ф. Гро, П.Б. Вернальоне, А.И. Дэвидсоном, Д. Лоренцини, Т. Мэй и другими авторами. Однако реконструкция влияния идей философии лингвистического анализа на трактовку Фуко подхода к генеалогическому раскрытию содержания историко-культурных реалий до сих пор далека от завершения.

Исследователи творчества Фуко справедливо отмечают, что составить объективное представление об отношении этого автора к лингвистической философии можно, лишь опираясь на тщательный анализ его произведений в свете сделанного им 27 апреля 1978 г. в Японии доклада «Аналитическая философия политики». В этом сообщении Фуко обращается к феномену власти и политического как предмету философского рассмотрения. Обращаясь к специфике видения этой предметной области лингвистической философией, он говорит: «Прежде всего, англо-саксонская аналитическая философия не задается задачей размышления о бытии языка или о глубинных структурах языка; она размышляет о повседневном использовании языка в различных типах дискурса. Для англосаксонской философии значимо провести критический анализ мысли, отправляясь от способа повседневного говорения о вещах. Я полагаю возможным представить таким же образом философию, которая бы имела своей задачей анализ того, что происходит ежедневно в отношениях власти, философию, которая бы попыталась показать, в чем тут дело, и обнаружила отношения власти, их формы, проблемы и цели... Можно представить, нужно представить нечто похожее на аналитико-политическую философию» [11, р. 541]. Из текста этого небольшого по объему произведения Фуко отчетливо вырисовывается его мотивация обращения к наследию лингвистической философии как философско-методологическому союзнику именно на стадии трансформации его мысли от «археологии знания» к генеалогическому изучению становления «дисциплинарного общества» на Западе в период Нового времени. Она сопряжена с отвержением традиционного европейского взгляда на задачи политико-философской рефлексии.

В контексте доклада Фуко говорит о том, что уже в античности сложилось три основных подхода к пониманию задач отношения философа к властному механизму, направляющему жизнь сообщества. Если фигура Солона характерна в плане попытки философского мирозерцания к созданию конкретной программы общественных преобразований, то Платон видит его базовую

функцию в разумном «консультировании» власти во имя устранения недостатков и создания идеального образа государственного правления, а киники провозглашают философию основанием для побега от социальных проблем. В целом же ни в Античности, ни в Средние века, по мысли Фуко, в Европе не предпринималось попыток сделать конкретное учение реальным основанием политических преобразований. При признании величия Аристотеля, ни Александр Великий не стал строить империю на основе платформы своего учителя, ни Фома Аквинский не попытался взять его социальное учение как прямое руководство для обнаружения рецептов конкретных программ взаимодействия церкви и «града земного». Иное дело, по мысли Фуко, Восток, где такого рода попытки выглядят вполне реальными, если вспомнить хотя бы деяния Конфуция. Ситуация меняется, на его взгляд, в Европе, начиная с XVIII столетия и вплоть до наших дней, когда философы предпринимают попытки прямого «вторжения» в дела общества и государства. В этой связи Фуко упоминает Г.В.Ф. Гегеля и его влияния на прусское правовое и государственное устройство, идеи К. Маркса, а затем и В.И. Ленина и И.В. Сталина в их воплощении в общественное строительство, и, наконец, использование наследия Ф. Ницше и В.Р. Вагнера в период национал-социалистической диктатуры в Германии. Именно такой вариант обращения философов к альянсу с реальной властью не устраивает Фуко и ведет к попытке найти союзника своих генеалогических историко-культурных штудий в лице лингвистической философии.

В отличие от В. Гумбольдта, выявившего позитивные возможности языка в постижении мира, или же А. Бергсона, показавшего его ограниченность в этом отношении, «англосаксонская философия старается сказать, что язык никогда не обманывает, но также и никогда не выявляет. Язык всегда явлен в игре. Отсюда, следовательно, значимость понятия игры» [11, р. 541]. Констатируя игровой характер языка, Фуко поясняет, что англо-американская лингвистическая философия позволяет обратиться к реалиям различных вариантов общественных игр и показать их властную функцию в генезисе становления «дисциплинарного общества» на Западе в период Нового времени. Не называя персонально Витгенштейна, Фуко со всей очевидностью ведет речь о созданной им теории языковых игр как релевантной его собственным генеалогическим штудиям. По сути же, сказанное позволяет задуматься и о восприятии им целостного спектра представлений, ассоциирующихся с «лингвистическим поворотом» в собственных исследовательских целях.

Артикуляция позиции Фуко по отношению к релевантности идей Витгенштейна задаче генеалогии историко-культурного материала состоялась в открытой форме уже после вызревания его программы критики «микрофизики власти» в процессе формирования «дисциплинарного общества». Она лишь стала комментарием к свершившемуся факту присутствия влияния «лингвистического поворота» в его построениях начала 70-х гг. минувшего века, что особенно очевидно в «Археологии знания» и «Порядке дискурса». В финале 70-х гг. тенденция восприятия лингвистической философии постструктуралистами не является эксклюзивной чертой размышлений Фуко и отчетливо очевидна и у других деятелей этого направления, например в сочинениях Ж.-Ф. Лиотара.

Резюмируя свои искания периода «археологии» гуманитарных наук, Фуко по сути прибегает в «Археологии знания» к мыслительным ходам, которые вполне созвучны идеям «лингвистического поворота». Центральным тезисом его труда становится развенчание претензий спекулятивного историсофского теоретизирования, прибегающего к субстанциалистским поискам единого начала эволюции человеческого сообщества, и обращение к дискурсивному изучению культурно-исторического материала как «пространства разрыва». При этом речь идет одновременно и об учете штудий французских неорационалистов и представителей школы «Анналов», задавших новую парадигмальность в сфере историописания. «Глобальное описание собирает все феномены – принцип, смысл дух, видение мира, формы совокупности – вокруг единого центра; тогда как тотальная история разворачивается в виде рассеивания» [7, с. 13]. Противопоставляя таким образом глобальному историсофскому описанию план создания «общей» истории, не знающей единого принципа обобщения, Фуко говорит о возможности построения теории дискурсивных формаций. Сам термин был им, по всей видимости, избран в плане противопоставления её фундаментальной установки теории общественно-экономических формаций К. Маркса.

Дискурсивные формации, по Фуко, вычерчивают пространство объективации, концептуального обрамления и возможных тематических полей обсуждения тех или иных предметных областей на протяжении достаточно длительного периода времени. Рассуждая о выделении материала, позволяющего судить о их существовании в пространстве разрыва временной динамики мыслительных образований, Фуко говорит о них как о «культурном априори». «Археология определяет типы и правила дискурсивных практик, пронизывающих индивидуальные произведения, иногда полностью ими руководящих и господствующих над ними так, чтобы ничто их не избегало. Интенция создающего субъекта в качестве причины бытия произведения и принципа его общности археологии чужда» [7, с. 139]. Археологическая процедура, таким образом, опирается на идею наличия априорных правил дискурсивности, которые должно обнаружить аналитическим философским усилием.

Продолжая размышления в «Порядке дискурса», Фуко приходит к мысли, «что в любом обществе производство дискурса одновременно контролируется, подвергается селекции, организуется и перераспределяется с помощью некоторого числа процедур, функция которых – нейтрализовать его властные полномочия и связанные с ним опасности, обуздать непредсказуемость его события, избежать его такой полновесной, такой угрожающей материальности» [10, р. 10–11]. Дискурсивные практики в самых различных сферах общественной жизни – область клинической психиатрии, демография, пенитенциарная система, образование и т. д. – оказываются, по мысли Фуко, проникнутыми властными механизмами. «Микрофизика власти» подлежит детальной дескрипции, с тем чтобы раскрыть механизм формирования «дисциплинарного общества» на Западе в эпоху Нового времени». «Философия, – писал Витгенштейн, – никоим образом не смеет посягать на действительное употребление языка, и в конечном счете она может только описывать его» [2, с. 130]. Эта мысль полностью принимается и берется на вооружение Фуко, как явствует из текста его

доклада «Аналитическая философия политики». Именно детальное генеалогическое изучение дискурсивных практик в игровом и нормативном планах, их властной функции видится ему ключом к пониманию характера «дисциплинарного общества», сложившегося на Западе в Новое время и существующего в модифицированной форме по сей день.

Язык и технологии созидания социальности и личностного «Я» как предмет генеалогического изучения

В периоды работы над раскрытием дискурсивных практик «микробиологии власти» и построения «эстетики существования», сопряженной с генеалогическим изучением тех способов создания личностного «Я», которые складывались в различные периоды истории, Фуко исходил из технологической трактовки языка как средства конституирования социальной и личностной реальности. Обращаясь к наследию Витгенштейна, нетрудно заметить, что на витке создания им лингвистической философии он уделяет немалое внимание именно технологическому истолкованию языковых игр в их многообразии и неповторимости. «Невозможно, – утверждал Витгенштейн, – чтобы правилу следовал только один человек, и всего лишь однажды. Не может быть, чтобы лишь однажды делалось сообщение, давалось или понималось задание и т. д. Следовать правилу, делать сообщение, давать задание, играть партию в шахматы – все это практики (применения, институты). Понимать предложение – значит понимать язык. Понимать язык, значит владеть некой техникой» [2, с. 162]. Витгенштейн намеренно акцентирует сопряженность дискурсивных языковых форм с моментом практико-коммуникативного применения таковых, в процессе которого складываются нормативные стандарты. Их он характеризует как лежащие в основе конституирования институты, закрепляющие общественные связи в их регулярной воспроизводимости на определенной стадии истории. Нормативные стереотипы, заданные языком, как раз и предстают как некоторые технологии созидания ткани социальности. Фуко специально не характеризует соотносимых с этой темой идей теории речевых актов Д. Остина или концепции языковой интенциональности Д. Сёрля, однако в самом характере его рассмотрения сюжета, связанного с властно-нормативным компонентом языка, проявляющимся в создании многоуровневых связей внутри социальной целостности, равно как и технологий конституирования личностного «Я», просматривается, как представляется, определенное знакомство с ними.

Суммируя итоги собственной творческой карьеры, Фуко любил подчеркивать присутствие в своих исследованиях внимания к базовым технологиям человеческой деятельности, закрепленных при помощи знаково-символических языковых средств. «Моей целью в течение более чем двадцати пяти лет, – писал он, – было создание истории различных путей в нашей культуре, которыми люди развивают знание о себе: экономики, биологии, психиатрии, медицины и системы наказаний. Главным является не приятие этого знания со стороны внешней ценности, а анализ этих так называемых наук как очень специфических “истинностных игр”, соотносящихся со специфическими техниками, которые человеческие существа используют для понимания себя» [14, р. 16]. Характерно, что в приведенном высказывании Фуко терминологически апеллирует к

наследию Витгенштейна, рассматривая знание как специфическую истинностную игру, которая имеет технологический «выход» в человеческом сообществе. При этом он полагает нужным прокомментировать свое видение лингвистически-игрового подхода в веберянском духе, акцентируя нормативно-технологическую сторону рациональной регуляции человеческого поведения.

Среди базовых технологий, регулирующих поведение людей и рассматриваемых как «матрицы практического разума», Фуко выделяются: 1) технологии производства и использования внешних по отношению к субъекту вещей; 2) технологии знаково-символических систем; 3) технологии власти, сопряженные с контролем поведения индивидов, своеобразной «объективизацией» субъектов с целью подчинения; 4) технологии созидания личностного «Я», которые позволяют субъекту самостоятельно или же в контакте с другими людьми осуществлять воздействия на собственное тело и душу, мысли и поведение, способ бытия во имя различных по своему характеру и исторически трансформирующихся целей самосовершенствования [14, р. 17]. Все четыре типа технологий мыслятся Фуко как действующие в ансамбле, совместно. Каждый из них одновременно представляется ему как автономный и предполагающий определенную подготовку и навыки. В этой связи Фуко вспоминает про классическую марксистскую трактовку примата производственных отношений в общественной жизни и отвергает её как неадекватную реальному положению дел, ибо властные связи неотделимы от экономических. В свою очередь, если следовать его пониманию, отношения властного типа сопряжены с индивидуацией, производством «Я» и неотделимы от языково-игровой формы их существования. «Я все более заинтересован, – признавался Фуко, – во взаимодействии между “Я” и другими и в технологиях индивидуального доминирования, истории того, как индивид воздействует на себя, в технологиях “Я”» [14, р. 17]. Именно взаимосвязь между двумя этими типами языковых игр и одновременно технологий становится полем его интенсивных размышлений в финале творческой карьеры.

Задаваясь проблемой генеалогического анализа истоков формирования «дисциплинарного общества» в странах Запада в период Нового времени, Фуко попытался понять её в свете собственного прочтения того властного механизма, который утверждается вместе с уходом в небытие традиционного общества. Чтобы разобраться в этом вопросе, на его взгляд, отнюдь не достаточно указать на появление капиталистических экономических отношений, как это сделал Маркс [4, с. 174–177]. Сама возможность экономики эпохи свободной конкуренции представляется Фуко объяснимой на фоне целостной трансформации жизни общества на всех его уровнях в плане властной организации. Она должна быть понята путем синтеза веберянского видения формальной рациональности и витгенштейнианской трактовки многообразия языковых игр, организующих взаимодействие людей в границах сообщества.

Специфика подхода к феномену власти, предлагаемая Фуко, состоит в отказе от его рассмотрения как определяемого макровластью государства. С его точки зрения, в конкретике общественной жизни существует множество властных очагов, реализуемых на базе языковых игр, на каждом из уровней общественного целого, а государственно-политический механизм осуществляет их синтетическое примирение путем приведения к некоему единому знаменателю. «Я не хочу сказать, – говорит Фуко, – что государство незначимо; то, что я хочу

сказать: отношения власти, – и отсюда и важность их анализа, – необходимо выходят за границы государства. В двух смыслах: прежде всего, поскольку государство при всем всемогуществе его аппарата далеко от того, чтобы занимать все поле отношений реальной власти, и, далее, поскольку государство может действовать лишь на базе иных уже существующих отношений власти. Государство надстроено по отношению к целой серии властных сетей, которые проникают в телесность, сексуальность, семью, родство, знание, технологию, и т. д.» [13, р. 122]². Понять общество и культуру Нового времени в их значении для современности возможно, по Фуко, только в ракурсе такого истолкования глубинной «микрофизики власти». Этот тип «дисциплинарного общества», на его взгляд, опирается на постоянно усиливающийся контроль всех проявлений человеческой деятельности. И в этой связи у читателя произведений Фуко вполне обоснованно возникает вопрос об осуществлении в его границах процесса формирования человеческого «Я», так наряду с запрограммированными в языковых играх технологиями манипуляции и контроля любая социальная целостность одновременно должна порождать, по убеждению этого автора, еще и технологии культивации индивидуально-личностного начала.

Фуко был уверен, что оборотной стороной существования человека в поле многообразных структур «микрофизики власти» должны быть технологические способы личностного самосозидания. Если теме «микрофизики власти» посвящены из крупных его произведений «Надзирать и наказывать» и первый том «Истории сексуальности» – «Воля к знанию», то сюжет «эстетики существования» прорабатывается наиболее обстоятельно в двух последующих томах этого трехтомного произведения. Кроме того, проблематика «дисциплинарного общества» и «эстетики существования» присутствует в многочисленных лекциях и интервью Фуко, где расшифровываются многие принципиальные моменты её авторского истолкования.

Размышляя о совместимости практик власти и самосозидания человека, различных языковых игр, которые их конституируют, Фуко опирается на значительный историко-культурный материал от Античности до современных ему реалий. Эта работа, увы, так и не была завершена им, хотя второй и третий тома «Истории сексуальности» и опубликованные лекционные курсы, ориентированные на раскрытие «герменевтики субъекта», основываясь на значительном материале античной и патристической мысли, дают серьезные основания судить о

---

² Комментируя воззрения Фуко на соотношение сингулярных локализаций власти в подсистемах общественного целого и роли государства в приведении их к общему знаменателю, Ж. Делез писал: «Общественные институты – это не источники и не сущности, и у них нет сущности, ни интериорности. Это практики, оперативные механизмы, которые не объясняют феномен власти, потому что они определяют ее взаимоотношения и довольствуются их "фиксацией" в воспроизводящей, а не производящей функции. Не существует и Государства, есть только огосударствление, и так же обстоит дело со всеми остальными случаями. Следовательно, для каждой исторической формации следует задавать вопрос о том, что относится к каждому институту, существующему в этой стране, то есть какие взаимоотношения власти он интегрирует, какие взаимоотношения он поддерживает с другими институтами, и как происходят эти перераспределения от одной страны к другой. Здесь опять же речь идет о весьма разнообразных вторжениях, как горизонтальных, так и вертикальных» [5, с. 103–104].

выдвигаемой им концепции сочетания практик власти и самосозидания субъекта. Эти практики можно рассматривать как обладающие определенной автономией. Комментируя эволюцию генеалогических исканий Фуко, Ф. Гро справедливо отмечает, что в 1970-е гг. (например, при написании книги «Надзирать и наказывать») этот автор видел субъекта как производимого в поле властных практик, как «отчужденный коррелят знания-власти». «Когда, начиная с восьмидесятых годов, Фуко занялся изучением техник существования, введенных в обиход греческой и римской античностью, перед ним стал вырисовываться иной образ субъекта, уже не учреждаемого, но утверждающего себя посредством упорядоченных практик» [3, с. 558]. В конечном итоге рассмотрение конкретного исторического материала, как представляется уже к финалу 1970-х гг., что очевидно из содержания доклада «Аналитическая философия политики» и других работ, подвигло Фуко к мысли о параллельной реализации практик властной «тотализации» и «индивидуализации» в продуцировании личностного начала субъекта.

Рассуждая в широкой исторической перспективе от Античности до современности, он констатирует в 1979 г. в прочтенной в Стэнфордском университете лекции «Политика и разум»: «Политическая рациональность росла и утверждала себя на протяжении всей истории западных обществ. Она сперва явилась в форме священнической власти, а затем в виде разума государства. Её неизбежным эффектом явились совместно индивидуализация и тотализация. Освобождение может явиться лишь как результат атаки не на какой-либо один из этих эффектов, а на политическую рациональность в корне» [12, р. 85]. Генеалогический анализ в критической перспективе позволяет понять, как полагал Фуко, основания смены различных практик производства человеческого «Я» и рождения современного видения индивидуальной жизни в ракурсе эстетики существования. Этот тип языковой игровой практики и техники личностного самосозидания рассматривался Фуко как требующий осмысления итог развития культуры западного мира.

Выводы

В ходе эволюции собственных теоретико-методологических воззрений М. Фуко испытал влияние «лингвистического поворота», предложенного Л. Витгенштейном, и идей его последователей. Хотя открытое признание эффективности теории языковых игр для рассмотрения дискурсивных практик, их технологической ипостаси состоялось лишь в конце 1970-х гг., уже при подведении итогов структуралистского периода «археологии знания» и переходе к постструктуралистскому видению властных функций дискурса отчетливо обнаруживается его звучание в ракурсе категорий лингвистической философии. Осуществленная Фуко критика спекулятивного историософского теоретизирования и обращение к пониманию развития культуры как пространства прерывности «общей истории», конституируемого «дискурсивными формациями», реализуется уже с учетом платформы лингвистической философии. Генеалогические штудии властных технологий, лежащих в основе формирования «дисциплинарного общества» в эпоху Нового времени, также развивают этот подход. Новый импульс синтеза лингвистической методологии и идей Ф. Ницше, М. Вебера, неомарксизма дает обращение Фуко к сюжету специфических технологий

конституирования личностной субъективности в истории общества Запада. На этапе «эстетики существования» он показывает своеобразную взаимодополнительность властных технологий доминирующей и индивидуального самоосуществления. Использование аналитико-лингвистических идей позволило Фуко создать оригинальную методологическую стратегию видения истории Запада в перспективе единства тотализации властного начала и сопровождающей её параллельно индивидуализации, начиная с периода Античности и вплоть до наших дней. Парадоксальным образом в границах написания генеалогической истории «разрыва» Фуко отнюдь не утрачивает перспективы её единого видения.

Список литературы

1. Автономова Н.С. Познание и перевод. Опыт философии языка. М.: РОССПЭН, 2008. 703 с.
2. Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. М.: Гнозис, 1994. С.75–319.
3. Гро Ф. О курсе 1982 года // Фуко М. Герменевтика субъекта. Санкт-Петербург: Наука, 2007. С. 549–596.
4. Губман Б.Л. Современная философия культуры. М.: РОССПЭН, 2005. 536 с.
5. Делез Ж. Фуко. М.: Издательство гуманитарной литературы, 1998. 172 с.
6. Дьяков А.В. Философия постструктурализма во Франции. М.; Нью-Йорк; СПб.: Nothern Cross Publishing, 2008. 364 с.
7. Фуко М. Археология знания. Киев: «НИКА-ЦЕНТР», 1996. 208 с.
8. Davidson A.I. Structures and Strategies of Discourse: Remarks Towards a History of Foucault's Philosophy of Language // Foucault and his Interlocutors / ed. by A.I. Davidson. L.; Chicago: University of Chicago Press, 1997. P. 1–20.
9. Dreyfus H.L., Rabinow L. Michel Foucault: Beyond Structuralism and Hermeneutics. Chicago: University of Chicago Press, 1983. 271 p.
10. Foucault M. L'ordre du discours. P.: Gallimard, 1971. 82 p.
11. Foucault M. La philosophie analytique de la politique // Foucault M. Dit et écrit. 1956-1988. V. 3. 1976–1979. P: Gallimard, 1994. P. 534–551.
12. Foucault M. Politics and Reason // Politics. Philosophy. Culture. Ed. by L.D. Kritzman. N.Y.; L.: Routledge, 1990. P. 57–85.
13. Foucault M. Power Knowledge. Selected Interviews and Other Writings: 1972–1977. Ed by C. Gordon. N.Y.: Pantheon Books, 1980. 271 p.
14. Foucault M. Technologies of the Self // Technologies of the Self: A Seminar with Michel Foucault. Ed. by L.H. Martin, H. Gutman, P.H. Hutton. London: Tavistock Publications, 1988. P.16–49.

M. FOUCAULT AND ANALYTICAL PHILOSOPHY: HISTORY AS A SUBJECT OF GENEALOGICAL COMPREHENSION

K.V. Anufrieva

Tver State University, Tver

The aim of the article is to consider the influence of the «linguistic turn» initiated by L. Wittgenstein and his followers on M. Foucault's studies of the cultural history. The impact of the theory of language games on Foucault's views in different periods of their evolution since the turn of the early 70s is revealed. The synthesis of the ideas of F. Nietzsche, M. Weber, structuralism, neo-Marxism and linguistic philosophy is considered as a platform that predetermined Foucault's vision of the realities of the cultural history of the West.

Keywords: *history, genealogical analysis of cultural history, structuralism, post-structuralism, analytical philosophy, neo-Marxism.*

Об авторе:

АНУФРИЕВА Карина Викторовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», Тверь. E-mail: carina-oops@mail.ru

Author information:

ANUFRIEVA Karina Victorovna – PhD, Assoc. Prof., Dept. of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver. E-mail: carina-oops@mail.ru